Соль на твоих губах

Александр А.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Александр А.

Соль на твоих губах

«Автор»
2026

А. А.

Соль на твоих губах / А. А. — «Автор», 2026

Внимание! В тексте есть нецензурная лексика и сцены 18+.Сомелье Ася Соколова знает вино лучше, чем мужчин. Семь лет в лучшем ресторане города, тонкий нюх, абсолютная память на вкус — и железное правило: никогда не влюбляться в гостей. Но в четверг, за столиком у окна, сидит человек, который заказывает не вино, а её. Ладанов — владелец сети ресторанов, который выкупил заведение и теперь приезжает только по четвергам, только к девяти вечера и только на «что посоветуете». Она не знает, что он пришёл не за вином. Он ищет вкус, который помнит с одной-единственной ночи семь лет назад, — и она единственная, кто может его налить.

© А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четверг 6
Глава 2. Тот вкус 7
Глава 3. Без этикетки 9
Глава 4. Женщина за его столиком 10
Глава 5. Гроза над лозой 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Александр А.
Соль на твоих губах

Соль на твоих губах

Внимание! В тексте есть нецензурная лексика и сцены 18+.

Аннотация.

Сомелье Ася Соколова знает вино лучше, чем мужчин. Семь лет в лучшем ресторане города, тонкий нюх, абсолютная память на вкус — и железное правило: никогда не влюбляться в гостей. Но в четверг, за столиком у окна, сидит человек, который заказывает не вино, а её. Ладанов — владелец сети ресторанов, который выкупил заведение и теперь приезжает только по четвергам, только к девяти вечера и только на «что посоветуете». Она не знает, что он пришёл не за вином. Он ищет вкус, который помнит с одной-единственной ночи семь лет назад, — и она единственная, кто может его налить.

Глава 1. Четверг

Правило Аси было простым, как пробка: гость — это гость. Даже красивый. Даже тот, который смотрит на сомелье так, будто дегустирует не вино.

Она вывела его в первый год работы, после студента, который оставил ей на салфетке номер и фразу «к зиме созреешь». С тех пор Ася наливала, советовала, улыбалась ровно настолько, насколько положено улыбаться женщине, от которой зависит, выпьет ли столик на шестьдесят тысяч или уйдёт в соседний ресторан.

В четверг девять вечера — время, когда кухня дышала спокойно, зал редел, и можно было наконец выдохнуть. Ася стояла у винотеки, пересчитывала бутылки «Бароло» и не слышала, как открылась дверь.

— Что посоветуете?

Голос был низкий, с хрипотцой человека, который мало говорит и много слушает. Ася повернулась.

Он стоял у столика у окна — того самого, лучшего, который держали для особых гостей. Высокий, в тёмном костюме без галстука, расстёгнутая верхняя пуговица рубашки. Седина на виске, руки, о которых в женской раздевалке ресторана говорили чаще, чем о меню. И взгляд — внимательный, тяжёлый, который она уже знала по обложкам деловых журналов.

Ладанов. Владелец половины ресторанного города. И — как шептались официанты — владелец этого ресторана тоже. Купил месяц назад. Никто не знал зачем.

— Для начала? — спросила Аса тоном, каким предлагают меню, а не себя.

— Для начала — вы, — сказал он ровно и сел. — Простите. Звучало лучше в голове. Для начала — что-то белое. Что-то, что вы пьёте сами, когда закрываете смену.

Ася моргнула. За семь лет ни один гость не спрашивал, что пьёт она.

— Бургундский шардоне, — сказала она. — Деревня Мерсо. Пьём с шефом после инвентаризации. Из стаканов, которые жалко мыть.

— Принесите два, — сказал Ладанов. — Инвентаризационный уровень.

Он пил из её стакана — вернее, из такого же. И всю ночь заказывал не по карте, а по её ответам: «А что вы открыли на прошлой неделе?», «А что не взяли в закупку, потому что дорого?». Он пил её неделю — маленькими глотками, между репликами, и Аса ловила себя на том, что говорит больше, чем говорила за все семь лет.

В половине первого, когда зал опустел, он встал, оставил на столе расчёт с чаевым, который заставил бы официанта плакать от счастья, и сказал, наклонившись чуть ближе, чем разрешает любая инструкция:

— В следующий четверг. То же время. И, Соколова, — он знал её фамилию с бейджа, это было нормально; но то, как он произнёс её, — не было, — налейте мне тот вкус. Который вы мне ещё не наливали. У вас он есть. Я слышу по голосу.

И ушёл, оставив Асю стоять посреди пустого зала с бутылкой «Мерсо» в руке и ощущением, что её продегустировали до дна. Оставив осадок. Длинный, тёплый, опасный.

Глава 2. Тот вкус

Всю неделю Ася искала его вкус.

Не его — «тот». Вкус, который он помнил и который не назвал. Она перебирала — от рядового пино до коллекционного сан-жюльена, ставила слепые дегустации с шефом, который смотрел на неё с подозрением, и на второй день спросил:

— Ты по мужчине скучаешь или по вину? Сидишь тут как беременная, мимо винотеки ходишь кругами.

— По вину, — соврала Ася. И поняла, что врёт во второй раз за неделю. Первый раз — самой себе, когда поймала отражение в витрине и увидела, что улыбается без причины, в четверг, за два дня до четверга.

Он появился в девять. Как по расписанию. Сел за тот же столик — и Ася поняла, что столик у окна теперь «его», и хостес поняла это без слов, потому что Ася лично попросила не бронировать его никому. Она сама не понимала, что делает.

— Ваш выбор, — сказала она, ставя перед ним бокал. Белое, которое она не включила ни в одну карту: маленькое хозяйство, четыре тысячи бутылок в год, старая лоза, виноградник на сланцевых почвах. Вкус, который описывали как «мокрый камень после грозы и чей-то чужой сад».

Ладанов поднёс бокал к губам. Пил медленно. Закрыл глаза.

И Ася увидела то, чего не должна была видеть: как у этого человека дрогнули плечи. Мелко. Неотличимо, если не знать, куда смотреть. Она знала.

— Не тот, — сказал он, открывая глаза. — Ближе. Но не тот.

— Тогда скажите, какой тот, — Ася села напротив — сама, без приглашения, впервые за семь лет. — Я сомелье. Я работаю со вкусом. Опишите.

— Он не опишется, — Ладанов поставил бокал и посмотрел на неё так, что она почувствовала тепло выше воротника блузки. — Он был один раз. Ночью. На чужой кухне, в чужом городе, из чужого стакана. Женщина наливала мне что-то без этикетки — просто из бутылки, обёрнутой газетой. Говорила, что это вино её деда, и больше такого не сделают. Потом она уснула, а я уехал в шесть утра по делам, которые оказались важнее. Это была самая дорогая моя ошибка, Соколова. Я ищу этот вкус семь лет. Возил сомелье по всему миру. Потратил денег, которых не считаю. И в прошлом месяце, случайно, за ужином в этом ресторане, который я тогда ещё не покупал, — я его услышал.

— Услышал?

— Запах. Через зал. Вы открыли бутылку для столика в углу и понюхали пробку — вы всегда так делаете, я заметил. И этот запах. Кора вишни, мокрый сланец и — — он замолчал, подбирая слово, и Ася увидела, как у него дрогнули губы, — и женщина, которой больше нет.

Ася не дышала.

— Дед, — сказала она тихо. — Винодельня под Анапой. Три гектара старой лозы. Дед умер, хозяйство лежит, бутылки — семьдесят штук последнего урожая его рук, обёрнутые в газету «Южный берег», потому что мы не успели наклеить этикетки до похорон. — Она посмотрела на него. — Это были вы. Семь лет назад. Та кухня. Тот стакан. — Она вспомнила вдруг — так, что перехватило дыхание: чужая квартира на съём, дождь за окном, мужчина, который пил из хозяйского стакана и держал его так бережно, будто это был не стакан. Она вспомнила его руки. Семь лет она не могла вспомнить лицо — а руки вспомнила сразу, когда он в прошлый четверг подписал счёт.

— Я приехал к тебе, Ася, — сказал Ладанов негромко. — Не в ресторан. К тебе. Семь лет я думал, что этот вкус — вино. А месяц назад понял, что он — ты. Вино просто было рядом с тобой той ночью.

Стало тихо. Кухня за спиной погасила последний огонь, шеф ушёл, и ресторан принадлежал только им.

— Это несправедливо, — сказала Ася, и голос у неё дрогнул впервые за семь лет. — Семь лет. Вы могли найти меня за неделю. Я не пряталась. Я работала здесь, в этом зале, я наливала тебе вино, я...

— Я приехал в июне, — сказал он. — Посмотрел через окно. Ты смеялась с официантами. Ты была живая, светлая — совсем не та женщина с той кухни, которую я запомнил уставшей и одинокой. И я испугался, что испорчу это. Что посажу в тебе память о человеке, который ушёл в шесть утра. Я решил, что буду приходить по четвергам и пить твои советы. Это было трусостью. — Он взял её руку через стол. Ладонь была тёплой и тяжёлой. — Сейчас я тоже боюсь. Но по-другому: я боюсь, что ты сейчас отнимешь руку. И тогда я буду возвращаться по четвергам всю жизнь — и это тоже будет счастье, но меньше.

Ася посмотрела на его пальцы на своей руке. Семь лет она держала это дыхание где-то на дне, как бутылку на самой нижней полке , под которую заглядывают раз в год и закрывают снова. И теперь кто-то вытащил её, отёр от пыли и налил.

— Пойдём, — сказала она. — У меня есть одна бутылка. Обёрнута в газету. Я держу её для случая, который считала невозможным.

Глава 3. Без этикетки

Лестница на чердак над рестораном была узкой, железной, с покосившимися ступенями, которые Ася знала наизусть: здесь она спала первые месяцы, когда не хватало на съём. Теперь здесь стояли ящики с архивными винами и старый диван, на котором она спала ещё студенткой.

Она зажгла единственную лампу — жёлтую, с абажуром, найденным на блошином рынке. Свет упал на диван, на ящики, на её лицо — и Ася вдруг почувствовала, как бьётся сердце: быстро, по-молодому, как в двадцать три, в ту ночь, на чужой кухне.

Ладанов стоял посреди чердака и смотрел на неё так, как смотрят на вино, которое берегли слишком долго и боятся открыть: вдруг не то. Вдруг испортилось. Вдруг память приукрасила.

— Открой меня, — сказала Ася. — Как пробку. Медленно. Без штопора-автомата.

Он дышал неровно. Она слышала это — и от этого её трясло сильнее, чем от любой сцены с гостями, чем от пожара на кухне в прошлую пятницу, чем от всего, что было в её аккуратной, выстроенной жизни.

Он подошёл. Положил руки ей на лицо — обеими ладонями, как берут в руки что-то, что можно разбить. Большой палец прошёл по скуле, по линии под глазами, будто запоминал. Ася закрыла глаза — от его пальцев по коже шли волны, тёплые, тугие, как тёмное вино по стеклу.

— Я думал о тебе, — сказал он хрипло. — Семь лет. Знал твои руки раньше, чем лицо. Каждую ночь, Соколова.

— Тогда перестань говорить, — прошептала она. — Семь лет слов. Я хочу того, что было после слов в ту ночь.

Он поцеловал её — сначала в лоб, странно, нежно, как целуют то, что собираются беречь, — и Ася засмеялась сквозь дрожь, потому что это было самое старомодное и самое правильное, что с ней делали. Потом он нашёл её губы.

И мир перестал быть рестораном.

Он целовал так, как дегустируют великое вино: долго, не торопясь, возвращаясь к первому глотку снова и снова, потому что он меняется — и становится глубже. Ася держалась за его воротник, потом расстегнула ему пуговицу — ту самую, верхнюю, — потом вторую, и под ладонью было тепло, жизнь, сердце, которое билось так же безумно, как её. Он поднял её — легко, как поднимают бокал, — и понёс к дивану, и она чувствовала его дыхание на шее, и газета слетела с бутылки, которую она несла в руке всё это время и не выпустила даже теперь, — потому что это была их бутылка. Без этикетки. Их.

Вино они так и не открыли в эту ночь. Пробка осталась на столе, бутылка — на полу, в луже лунного света из чердачного окна, а сама ночь текла по другому руслу: его руки, её голос, который срывался и снова находился, дыхание, сбивающееся в такт, — и чердак, который слышал от Аси то, чего не слышал зал на шестьдесят персон за семь лет. Она не стеснялась. Она горела. И он горел с ней — медленно, ровно, всерьёз, как горит то, что не собирается гаснуть.

Утром Ася проснулась от запаха кофе и оттого, что кто-то заворачивает бутылку в новую газету — бережно, сгиб за сгибом.

— Мы её не открыли, — сказал Ладанов, не оборачиваясь. — Я решил: она откроется, когда будет нужно. У такого вина — свои сроки.

— У нас какие сроки? — спросила Ася с подушки, глядя на него сквозь утренний свет.

Он сел рядом. Обхватил её ладонь своей — ту же руку, что взял тогда, через стол.

— Никаких, — сказал он. — Бессрочно.

Глава 4. Женщина за его столиком

Та четверг пришёл с первым настоящим холодом — город вдруг вспомнил, что ноябрь, и ветер по набережной гонял листья, как крупье гоняет фишки: быстро, привычно, без цели. Ася открыла смену в четыре, пересчитала винотеку, подписала накладные и к семи уже держала в голове план вечера, у которого было только одно главное событие: девять вечера, столик у окна, человек в тёмном костюме.

Она готовилась, как к сложной паре к блюду. В прошлом четверге он ушёл в половине второго — на этот раз раньше, сказал: «В понедельник Лондон, вернусь в четверг к самолёту». И перед уходом сделал то, чего не делал ни разу: поднёс её ладонь к губам — не поцелуем, а касанием, как прикасаются к пробке, чтобы понять аромат, — и сказал: «Не открывай без меня. Ни одну. Я имею в виду не только вино».

Всю неделю Аса жила с этим «не открывай» — и это было страннее всего. Она, которая семь лет строила свою жизнь как винную карту: всё разложено, всё подписано, ничего случайного, — теперь ждала четверга, как ждут июля. Каждое утро она ловила себя на том, что выбирает блузку под настроение, которого ещё не случилось. Шеф заметил первым, конечно:

— Соколова. Ты третий день варишь нарезку под «что, если он придёт». Придёт. Мужчины, которые так смотрят на сомелье, возвращаются всегда. Вопрос только — почему.

— Потому что не всё ещё налил, — сказала Ася. И поняла, что отвечает уже не о вине.

В восемь пятьдесят дверь открылась. И Ася обернулась — и не узнала вечер.

В зал входила женщина.

Высокая, в шубе, которую не покупают — её наследуют или получают вместе с фамилией, — с лицом, которое Ася видела в деловых приложениях рядом со словом «Мерцалова»: Ирина Мерцалова, партнёр Ладанова, совладелица сети, лицо компании на всех светских обложках. Она шла через зал так, как ходят по собственной квартире, — мимо хостес, мимо официантов, прямо к столику у окна.

К его столику.

— Здравствуйте, — сказала она Асе, снимая перчатки по одному, медленно, будто это был номер в цирке. — Я за его столик. Он вас, наверное, упоминал? Ирина. Мы с Артёмом знакомы одиннадцать лет. — Она села, положила сумочку на белый камень столешницы и посмотрела на Асю снизу вверх с той улыбкой, которую Ася знала по гостьям, приходящим забронировать ресторан для свадьбы сына и заодно показать, кто здесь будет мыть это всё после. — Налейте мне что-нибудь белое. Только не то, что вы ему советовали. Это моё условие: в этом ресторане не должно быть вкусов, которые вы давали ему. Он славится привязанностями, мой Артём. Привязанности делают людей предсказуемыми. А предсказуемых — заменяемыми.

Аса налила ей шабли — нейтральное, стальное, ни к чему не обязывающее, — и держала лицо, а внутри считала до сорока, как учила её бабушка: «Руки работают, сердце молчит, Дуся. Иначе испортишь и вино, и вечер».

— Вы имеете в виду деловые отношения, — сказала Аса ровно.

— Я имею в виду одиннадцать лет, — Мерцалова пригубила шабли и оценила его так, как оценивают не вино, а цену. — Одиннадцать лет — это контракты, участки, доля в трёх сетях и квартира на Патриарших, где мы ночевали, когда ему было не до кухни. Кстати, о кухне. — Она поставила бокал. — Вы откуда, Соколова? Анапа? Я читала его отчёт по закупкам. Странно: не задокументированная поставка, семьдесят бутылок, поставщик — физическое лицо. Он никогда не подписывает такое. А это подписал. В первый же день после покупки ресторана. Не находите совпадение уместным?

Аса почувствовала, как по спине идёт холод — не страха, а ярости. Той самой, звонкой, на которой держалась её семья три поколения: дед не продал лозу, когда всем продавали; отец

не подписал нечистую накладную, когда все подписывали; Ася не подняла цену дважды за сезон, когда все поднимали.

— Находишь, — сказала она. — Совпадение уместно. Вино деда моего. Оно продаваться не будет никогда — оно наливаться будет. Это разные глаголы, Ирина Андреевна. Усомню вас объяснить разницу вашему бухгалтеру.

— Умная, — Мерцалова улыбнулась уже иначе — без снисхождения, с настоящим, живым интересом, и от этого стало только хуже. — Мне это не нравится. Умные женщины возле Артёма не задерживаются. Он их выпивает, как танинные вина: увлекательно на первом глотке, сухо на финише. Спросите трёх предыдущих.

— Не буду, — Аса забрала пустую — не допитую, оставленную — тарелку из-под закуски. — Я не спрашиваю про чужие винтажи. Я сомелье. Я знаю: одна и та же лоза в разные годы даёт разное вино. Ваш винтаж — одиннадцатилетней давности. Может, он просто вышедший из возраста? Такое тоже бывает. Это не дефект. Это — перезрелость.

Стало очень тихо. За соседним столиком официант наливал воду и разливал воду, потому что смотрел не в бокал.

Мерцалова медленно встала. Подошла вплотную — так близко, что Ася чувствовала её духи: туберoза, дорогая, неправильная для ресторана с таким меню. И сказала тихо, одними губами:

— Он купил этот ресторан не ради вина, девочка. Он купил его ради одного счёта, который здесь выставили в 2019-м. Спроси его, за кого он платил в тот четверг. И посмотрю я на твоё лицо, когда он ответит.

И ушла — перчатки, шуба, запах туберозы — к выходу, а за десять минут до девяти, как раз когда дверь за ней закрылась, открылась снова, и вошёл он. Тёмный костюм, дорожная складка на пиджаке, взгляд, который первым делом нашёл её — не столик, её, — и Ася вдруг поняла, что стоит посреди зала с чужой тарелкой в руках и красными от сдержанных слёз глазами, и это было худшее, что можно было показать мужчине, который читает лица, как этикетки.

— Что здесь была Мерцалова? — спросил он, не снимая пальто.

— Белое, — сказала Аса. — Которое не пила ты. И ещё сказала, что ты купил ресторан ради одного счёта из 2019-го. И что мне стоит спросить, за кого ты платил в тот четверг.

Он молчал. Долго. За его спиной гасла колонна, официанты, как по команде, отступали к стенам — в этом ресторане давно научились чувствовать, когда частная жизнь владельца становится публичной.

— Сядь, — сказал он наконец. — Сядь, Ася. Это история, которую я собирался рассказать сам. На четвёртом четверге. Я думал, у меня есть время.

— У нас было семь лет, — сказала Аса. — Ты их потратил на Лондон.

— Сядь, — повторил он. И она села.

Счёт из 2019-го

— В 2019 году я был не тем, кем стал, — начал Артём, глядя в белую скатерть. — Я был молодым, наглым и очень богатым, что худшая комбинация после безответной любви. И в этом ресторане — тогда он belonged другому человеку — я отмечал закрытие сделки. Закрытие нечистой сделки, если честно: активы уходили через цепочку компаний, и я знал это лучше всех, потому что строил цепочку сам. В том четверге со мной были партнёры. И была ты. Ты работала — за столиком, не за винотекой. Ты наливала нам, и я смотрел на твои руки и не слушал партнёров. И в какой-то момент — около полуночи — ты приняла от меня оплату. Наличными. Я платил сразу и много, я был таким. И когда ты пересчитала деньги, ты сделала то, чего я не видел ни разу в жизни: ты отложила половину и сказала: «Это я вам верну. Это чужое. Здесь — моё». И отодвинула купюры.

Он поднял глаза.

— Никто в моей жизни не возвращал мне денег, Ася. Никогда. Люди брали, просили, заискивали, ненавидели — но не возвращали. И я, вместо того чтобы понять, что передо мной человек, — обиделся. Я решил, что ты унижаешь меня. Через неделю я узнал, что твой дед умер. А через месяц я узнал, что сделка, которую я отмечал, разорила винодельню на Тамани — не твою, чужую, но такой же старой, такой же семейной. Я запустил цепочку, которая сожгла чью-то дедову лозу в ту ночь, когда ты отодвинула мои купюры. Я мог всё остановить. Один звонок. Я не позвонил — я был занят тем, как поехать в Анапу и найти женщину с чужого стакана. И когда я приехал — ты не открыла. Не потому, что не дома. Твоя соседка сказала: «Дуся просила передать: гости со столика к хозяйке не приходят». — Он усмехнулся без веселья. — Ты всё знала, Ася. Ты знала, кто я, в тот же четверг. И всё равно налила мне из дедовой бутылки.

Аса сидела очень прямо. Внутри всё ходило ходуном — но не от неожиданности. От узнавания. Она вспомнила ту неделю: телефон, по которому звонил незнакомый юрист и спрашивал про дедову землю; соседку, которая потом месяц смотрела на неё с жалостью; и саму себя — юную, убитую, закрывшуюся от всего мира, потому что дед умер, а лозу выкупали за копейки через подставные фирмы, и фамилия конечного владельца была — Ладанов.

— Я знала, — сказала она. — И налила тебе дедово вино назло. Чтобы ты выпил и поперхнулся. Чтобы вкус остался.

— Он остался, — сказал он просто. — На семь лет. Я закрыл цепочку в 2020-м — как смог, выкупил обратно половину, отдал инвесторам-потерпевшим долю. Не из благородства: из бессонницы. Я не мог спать, зная, что где-то гниёт то, что я запустил ради одной женщины, которая меня вычеркнула. А потом я узнал про «Южный берег». Про семьдесят бутылок. И понял, как вернуть всё разом: купить твой ресторан, прийти по четвергам и ждать, когда ты сама нальёшь мне тот вкус. Это трусость, Ася. Покупать шанс на прощение. Богатые всегда покупают.

— А теперь что? — спросила Аса тихо. — Мерцалова права?

— Мерцалова держит долю и держит меня за прошлое, — сказал он. — Одиннадцать лет — это не любовь, это совместное владение. Она хотела купить ресторан сама — месяц назад, я обошёл её на торгах, и она узнала об этом в последний день. Она пришла не за белым. Она пришла посмотреть на тебя. — Он взял её руку через стол. — И теперь я скажу то, что собирался сказать на четвёртом четверге, без Лондона и без аудитории: Ася, я не прошу прощения. Прощение нельзя купить, я это проверил на семи сомелье в четырёх странах. Я прошу другое: дай мне налить тебе. Один раз. То, что я выберу сам, не глядя на цену. И если после этого глотка ты скажешь «уходи» — я уйду. Из ресторана, из Лондона, из твоей жизни. Навсегда. Это последняя сделка в моей жизни, где я согласен проиграть.

Аса смотрела на него. На мужчину, который семь лет искал вкус прощения и купил ради него целое здание. И — Господи, — она почувствовала, что согласна не потому, что простила. А потому, что хочет узнать, что он нальёт. Сомелье в ней хотела этого больше, чем гордость.

— Один глоток, — сказала она. — И если прогоркнёт...

— Он не прогоркнет, — сказал он. — Я семь лет учился.

Он встал, обошёл столик — и Ася поняла, что сейчас произойдёт то, чего не делали в этом зале никогда: владелец ресторана пойдёт к винотеке и будет наливать своей сомелье. Официанты стояли у стен и не дышали. Шеф выглянул из кухни и остался стоять в дверях с полотенцем в руках.

Артём взял со средней полки бутылку — не коллекционную, не дорогую: пино нуар, простое, живое, из тех, что Ася держала для смен, для себя, для случаев «просто, потому что вторник». Открыл без штопора-автомата — вручную, медленно, как она когда-то попросила. Налил ей в её же стакан. Инвентаризационный уровень.

— Попробуй, — сказал он.

И Аса поняла, что в этом простом пино — за все семь лет — впервые пахнет не виноградником. Пахнет чердаком над рестораном, жёлтой лампой с блошиного рынка и газетой, в которую завёрнута бутылка, у которой ещё не настал срок.

— Не прогоркло, — сказала она. И заплакала — тихо, без всхлипов, как плачут уставшие сильные женщины, у которых наконец отпустило.

Он не стал её обнимать на глазах у зала. Он просто сел рядом и держал её стакан своей рукой — так, как держат чужую ладонь: намертво.

Глава 5. Гроза над лозой

На Анапу они уехали в пятницу, минуя все прогнозы: Артём просто взял и закрыл свой календарь на две недели — того, что Вера в прошлой жизни называла «невозможным», а Ася называла «неприличным». Владелец половины ресторанной сети, исчезающий на две недели в ноябре, — это не отдых, это политическое заявление. Секретари паниковали, партнёры звонили, Мерцалова, по слухам, дважды пыталась созвать экстренное заседание — и дважды не нашла кворума, потому что половина совета директоров уехала следом за боссом в аэропорт, держать руку на пульсе.

— Пусть пульсируют, — сказал Артём в машине, глядя на дорогу. — Я семь лет ехал сюда в своей голове каждую ночь. Теперь поеду по факту.

Ася молчала. Она не была в Анапе четыре года — с похорон деда. Всё это время она держала винодельню на дистанции: не продавала, не вкладывала, не приезжала. Дядя Витя, который оставался сторожить хозяйство, звонил дважды в год и докладывал, как о лежачем больном: «Крышу в цехах подремонтировали. Лоза зиму пережила. Бутылки на месте». Ася слушала, кивала, платила — и не ехала. Потому что ехать значило стоять у свежего холмика на кладбище у села и объяснять мёртвому человеку, почему живые не спасли его лозу.

Теперь её везли обратно обстоятельства, которые было не обмануть: семьдесят бутылок, одна без этикетки, и мужчина за рулём, который семь лет учился наливать.

Они доехали к вечеру. Дорога от трассы уходила в холмы — узкая, разбитая, знакомая до тошноты: Ася знала каждую выбоину, как официант знает столики. И когда за поворотом показался дом под красной черепицей — тот самый, дедов, с полуразрушенной пристройкой и виноградником за спиной, — она не выдержала и попросила остановить.

Встала на обочине. Смотрела.

Лоза стояла голая, ноябрьская, чёрная — и всё-таки живая. Старые кусты, посаженные дедом ещё при Брежневе, узнавались даже без листьев: по изгибу рукавов, по тому, как они цеплялись за шпалеру, будто старики за перила. Дед говорил: «Лоза не стареет, Дуся. Лоза терпит. Это мы перестаём».

— Ты плачешь, — сказал Артём тихо. Не вопрос.

— Я проверяю, плачу ли я, — ответила Ася, вытирая глаза курткой. — Четыре года не плакала про это место. Привыкла, что оно закрыто. А оно, оказывается, не закрыто. Оно просто ждало.

Дядя Витя

Сторож вышел им навстречу ещё до того, как они дошли до калитки, — сухонький, в старом ватнике, с фонариком в руке, хотя ещё не стемнело. Он взглянул на Асю, и его лицо сделало то, что делают лица деревенских мужчин: прошло через все стадии — от недоверия до слепой радости — за две секунды, но ни одна не показалась снаружи.

— Дуся, — сказал он. И больше ничего.

— Дядя Витя, — Ася обняла его, уткнувшись в ватник, который пах дымом, виноградом и тем особенным запахом, который остаётся в одежде человека, проживший на одном месте сорок лет.

— Отца твоего черты на лице не стало, — сказал дядя Витя, отстраняя её на длину рук и глядя. — Вылитая. Ну заходите, чего стоите. Чайник топить буду. А ты, — повернулся он к Артёму, и голос его перестал быть тёплым, — это тот, про кого я думаю, что я про него думаю? Аська тут не рассказывала, но я не слепой. Газеты в сторожке есть. Телевизор есть.

— Тот, — сказал Артём ровно. — И я приехал не смотреть на лозу из окна машины. Я приехал работать. Скажите, что нужно сделать до весны, и я сниму костюм.

Дядя Витя посмотрел на него долго. Потом хмыкнул — так хмыкают, когда решение принято, но озвучивать его жалко.

— Ладно. Ну, заходи хоть, костюм.

В доме всё осталось как было. Фотографии на комоде — дед в кепке, отец со стройки, Ася-школьница с косой. Часы с боем, которые дядя Витя заводил все четыре года, хотя никто не слушал. Чашки в сушке — дедовы, с трещинами, которые Ася когда-то просила выкинуть, а дед говорил: «Трещина — это биография. Целая чашка — это некролог».

За чаем дядя Витя выложил новости, короткие, как удар: цех жил, потому что он, Витя, с сыном гоняли маленькие партии — по сто-двести бутылок, для своих, для села, «чтобы рука не забывала». Семьдесят дедовых бутылок стояли в холодном подвале, где всегда держались те самые двенадцать градусов. И — последнее:

— Землю трогать перестали. После того как твоего Артёма история вскрылась и цепочку порезали, те, кто под неё заходил, отвалились сами. Так что лоза твоя, Дуся. Документы у нотариуса лежат. Дед всё оформил на тебя перед смертью — думала, я не знаю? Он всё оформил. Просто сказал мне: не отдавай, пока не придёт по-настоящему. А по-настоящему — это когда сама приедет. Приехала?

— Приехала, — сказала Ася. И заплакала — во второй раз за неделю, — потому что мёртвый дед, оказывается, всё продумал лучше неё: ждал, когда она перестанет бояться этого места, и только тогда готов был отдать его. Хотя был мёртв уже четыре года. Такие люди не умирают до конца, поняла Ася. Они просто перестают попадаться на глаза.

Подвал

В подвал они спустились втроём — дядя Витя с фонарём, Ася и Артём. Пахло холодом, землёй и вином — тем особым дыханием погреба, которое не спутаешь ни с чем. На деревянных стеллажах, обёрнутые в пожелтевшую газету «Южный берег», стояли ряды бутылок — последние семьдесят рук деда.

Ася шла вдоль стеллажей и дотрагивалась до плеча каждой бутылки, как здороваются со стариками.

— Он в этот урожай работал как проклятый, — сказал дядя Витя. — Чувствовал, что последний. Старики чувствуют. Ходил по рядам и разговаривал с лозой: «Ну, поди, ну, дай ещё один». И дала. Лучший урожай за двадцать лет — я тебе так скажу, я это дело сорок лет делаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.